

Балет рифмуется с полетом

ШТРИХИ, К ПОРТРЕТУ АРТИСТА БССР ВЛАДИМИРА КОМКОВА

— ТВОИ выход, Володя. Удачи! И он влетел на сцену. Вот сейчас будет прыжок. Высокий, сильный...

Никто так и не понял, почему на мгновение лицо Комкова вспыхнуло болью. Отчего так резко замер танцор и каждый мускул напрягся, откуда эти — в первом же выходе — струйки пота.

Все шло хорошо. Володя продолжал танцевать. И боль, и гнев, и счастье — искренни в его глазах. Только один человек — балетмейстер Валентин Елизарьев уже знал: у Комкова — травма. Танцует на «заморожке».

Премьера «Кармен-сюиты» в театре оперы и балета Белорусской ССР прошла, по мнению и зрителей, и критиков, с большим успехом.

Зал пустел. А в гримерной принимал поздравления усталый танцор. Он сидел на диване, осторожно положив онемевшую ногу на широкую спинку высокого старого стула...

— Не был на балете ни разу, пока не стал танцором.

Это — признание Комкова. Мальчишкой видел «балерунов» (так по незнанию и сам называл тогда солистов балета) только на экране телевизора. И если бы не пример соседней девочки, поступившей в Минское хореографическое училище, вряд ли бы мама стала настаивать... Но так уж случилось. И понал Володя в балетный класс. Нравилось? Да. Трудно было? Очень. Потому что получалось хуже, чем у многих, а хотелось — лучше.

Природа позаботилась о его отменном здоровье и мало постаралась в чисто балетном отношении. Дорабатывать — самому.

После училища все складывалось, мягко говоря, «не особенно». Танцевал в Харькове, Вильнюсе. Но поиски себя продолжались. И, как итог размышлений, решение: либо остаться на «заднем плане», либо — еще учиться.

Ленинград. Хореографическое училище имени Вагановой. Он стал стажером. Месяц, еще два, еще десять... Не пролетали они, а в труде, поту и ежедневной усталости таялись...

И вот то, о чем мечталось, — приглашение работать в Мин-

ске. Принял его с радостью.

...На днях в театре вновь шло «Сотворение мира». Балет, о котором сказано уже немало. Но вот об этом эпизоде рассказать хочется.

В антракте подошли к Еве — Нателле Дадилкилиани. Она уже успела побывать в гримерной, накинула на плечи теплый халат.

— Когда Володя уходит в образ, он — не Комков. Это Адам или Спартак, Тиль или Хозе. Тогда волей-неволей, — улыбается Нателла, — начинаешь чувствовать себя Евой.

— А если серьезно, — продолжила балерина, — то Володя для меня не просто партнер. Еще — требовательный, строгий учитель.

Воскресенье. Но и в этот день поспать лишний часок не удается.

Завтрак плотный. В отсутствии аппетита Володю не заподозришь. Поясняет, улыбается:

— Хорошо поел — сильным будешь. А жирок у меня не завызывается...

И не удивительно. Уже через час — «класс». Обязательная разминка. Ежедневная.

— Вроде как физзарядка. Только, видишь, несколько необычная.

И у него, и у Нателлы Дадилкилиани, Юзефа Раукутя, Игоря Лебедева, Александра Шиленкова, Юрия Трояна сегодня день заполнен до предела. Репетиция «Спартак». Нателла и Юзеф неделю назад танцевали в этом балете впервые. И сейчас еще и еще раз отработываются сложные па...

Троян прервал танец:

— Юзик, ты не штангу — балерину поднимаешь. Зачем такой рывок? Нежнее, спокойнее. Вот смотри.

Легко, точно пушинка, оторвалась от пола в руках репетитора Нателла.

Юзеф наклонил голову, посмотрел:

— Сейчас!

И — получилось. Движение за движением. Точно в такт: без музыки нет и танца. Пусть пока не оркестр — только не сдвигшееся времени пианино. Все равно, закрыв глаза, нетрудно представить, как идущие колоннами восставшие рабы...

Избиты, все в ссадинах люралевые мечи. Вместо Юзефа партнером Комкова стал Троян.

— Раукуть должен увидеть себя со стороны.

И сбился пианистка. Остановился танец.

— Марина, что случилось?

— Два Спартак... Красиво!..

Теперь очередь Нателлы.

Троян:

— Хорошо, хорошо... Стоп! Я же показывал. Легче, грациознее, шире... Сначала!

Нет похожих балетов. И репетиций — тоже. Только после каждой из них одно общее — усталость.

— Перерыв! Десять минут.

Комков снял тапочки, подержал в руке, швырнул в сторону:

— Истерлись.

...Мы шли по вечернему Минску. Город зажигал первые огни.

— Пролетела весна. Так за березовым соком и не выбрался, — то ли себе, то ли мне пожаловался Володя. — Но ничего, вот уйду на пенсию, времени будет...

— И через сколько это?

— Да через шесть. Наш творческий век короткий.

Но шесть лет — это еще так много...